

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ

№ 1443

ПЕТРОГРАДЪ, ПОНЕДЕЛЬНИКЪ, 23 МАЯ (5 ЮНЯ) 1916 г.

№ 1443

Переписка А. П. Чехова,

II.

Чехов охотно поддерживал раз-
чатую им переписку. Доказательство —
шесть огромных томов, повечию, не пе-
черымающихся ее цѣлкомъ. Онъ даже
самъ предлагалъ инымъ лицамъ вступи-
тъ въ переписку (письмо къ Балибину
IV, 354), хотя порою и уклонялся отъ
нее (письмо Ва. Нехромичу-Данченко, IV,
510), говоря, что переписываться не сто-
итъ, потому что въ русской жизни нѣтъ
ничего серьезнаго и интереснаго, о чемъ
стоило бы разсуждать. Но послѣднія
строки скорѣе случайны. Когда онъ
встрѣчалъ интересныхъ для него лю-
дей, онъ постоянно просилъ ихъ, — какъ
А. С. Суворина, напримеръ, — писать ему
почаще и подлиннѣе, такъ какъ, по его
словамъ, чувствовалъ себя морально оди-
нокимъ. Такіе призывы къ Суворину про-
должались до послѣднихъ лѣтъ жизни Че-
хова, далеко позже того времени, когда онъ
пересталъ работать въ «Новомъ Времени».
«Пишите мнѣ, ради Бога, а то совсѣмъ
одинокъ» (IV, 233). «Когда я прочелъ, что
вы уѣзжаете за границу, то у меня въ
нутрѣ точно ставни закрыли. Въ случаѣ
бѣды или скуки, камо пойду? Къ кому об-
ратиться? Была бы настроенія чужестранца,
когда хочется говорить и писать, а крохъ
васъ я ни съ кѣмъ не переписываюсь и
ни съ кѣмъ не разговариваю». (IV, 234).

Письма къ Суворину составляютъ около
шестой части переписки Чехова. Какъ я
уже сказалъ раньше, ими и сдѣлалось ог-
раничиться при изданіи прибавленія, ле-
житъ для писемъ къ другимъ ли-
цамъ, имѣющихъ общественное или
литературное значеніе или характер-
ныхъ для ихъ автора. Слѣдовало
выбросить все остальное, имѣющее
лишь случайное значеніе. Съ частной пе-
ренпискою вообще, — также и писателей, —
слѣдуетъ обходиться осторожно. Можетъ
быть такую переписку совсѣмъ не слѣ-
дуетъ печатать, такъ какъ она назнача-
лась не для общаго свѣдѣнія. Притомъ
ошибочно думать, что всякая строчка
писателя есть такая драгоцен-
ность, которую необходимо оглашать. Часто
и поучиться въ этихъ строчкахъ нечему, а
разочарованій онъ даетъ много, начиная
съ противорѣчій всякаго рода. Чеховъ былъ
благожелательнымъ, сдержаннымъ и мяг-
кимъ человѣкомъ. Между тѣмъ, въ пере-
пискѣ его можно не разъ найти такое
исключеніе. Нѣтъ, кажется, человека, о

которомъ у него не встрѣтишь — хотя бы
и случайно — дурного отзыва. Протѣ-
тымы о Плещеевѣ, Григорьевѣ, Бо-
брыкинѣ (III, 312), Михайловскомъ (273),
Протопоповѣ, Мережковскомъ (III, 176),
Толстомъ (279), Урусовѣ (316), Пи-
саревѣ (V, 36) и множествѣ дру-
гихъ писателей и журналистовъ и въ
невольномъ удивитесь русской привычкѣ осу-
ждать всѣхъ съ плеча, поднимать, какъ
глубоко сидятъ во всѣхъ насъ черты го-
голевскаго Собакевича. Чеховъ, какъ и дру-
гіе, подъ вліяніемъ минуты, отзывался да-
же о знакомыхъ людяхъ безъ переменъ,
не стѣнялся; безусловно онъ не
предполагалъ, что его отзывы попадутъ
въ печать. А они попадали и те-
перь лишь напрасно смущаютъ читателей,
да еще даютъ поводъ злонамеренности
пользоваться ими при случаѣ, ибо на нихъ
осмыляются какъ на нѣчто авторитетное и
безапелляционное.

Свое основное мировоззрѣніе Чеховъ такъ
излагаетъ въ одномъ изъ писемъ къ
А. Н. Плещееву (въ 1889 г.): «Боясь
тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденцій
и кто хочетъ видѣть меня либераломъ или
консерваторомъ. Я не либералъ, не кон-
серваторъ, не постепенонецъ, не монахъ,
не индифферентъ. Я хотѣлъ бы быть
свободнымъ художникомъ — и только, и
хотѣлъ, что Богъ не далъ мнѣ силы, чтобы
быть имъ. Я ненавижу ложь и насилие во
всѣхъ ихъ видахъ и мнѣ одинаково про-
тивны какъ секретарь конвенторія, такъ и
Н. съ Г. Фарисейство, тупоуміе и проза-
воль царятъ не въ однихъ только купечес-
кихъ домахъ, а кутузкахъ; я ненавижу ихъ
въ наукѣ, въ литературѣ, среди молоде-
жи... Поэтому я одинаково не питаю при-
страстія ни къ жандармамъ, ни къ мясн-
камъ, ни къ ученымъ, ни къ писателямъ.
Форму и ярлыкъ я считаю предраз-
судкомъ. Моя святая святыхъ — это
человѣческое тѣло, здоровье, умъ, та-
лантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютная
свобода, свобода отъ силъ и лжи, въ
чемъ бы послѣдніе двѣ ни выражались.
Вотъ программа, которой бы я держался,
если бы былъ большимъ художникомъ».

Онъ и держался ей до конца жизни, хо-
тя нѣсколько склонялся въ лѣвую сторо-
ну болѣе, чѣмъ имъ высказано въ предыду-
щихъ строкахъ. Склонился однако въ част-
ной своей жизни, а не въ произведеніяхъ,
оставшихся свободными отъ вышнихъ
давленій и тенденцій. Но если читатель не
достаточно знакомъ съ его сочиненіями, —
какъ это уже начинается встрѣчаться въ
современномъ поколѣніи, — то его можетъ
обить съ толку разсудокъ добрый Чехова о

тѣхъ или другихъ явленіяхъ нашей обще-
ственности. Вотъ, напримеръ, его отзывъ
о социалистахъ: «Если наши социалисты
въ самомъ дѣлѣ будутъ эксплуатировать
для своихъ цѣлей холеру, то я стану пре-
зирать ихъ. Отрицательными средствами ра-
ди благихъ цѣлей дѣлать и самую цѣль
отрицательной. Зачѣмъ лгать народу? За-
чѣмъ убивать, что онъ правъ въ своемъ
неискренности и что его грубое предразсу-
дики — святая истина? Неужели прекрасное
будущее можетъ искупать эту подлую
ложь? Будь я политикомъ, никогда бы я
не рѣшился позорить свое настоящее ра-
ди будущаго, хотя бы мнѣ за золотники
подой ли обидѣли его пудомъ блажен-
ства».

Съ такою же страстностью онъ обруши-
вается на русскую интеллигенцію за ее сла-
бости, за мелочность взглядовъ и ин-
тересовъ. «Какъ мало знаній у рус-
скаго интеллигента, — пишетъ онъ въ
1894 году (IV, 345)! — Его нанима въ
дѣтствѣ ушибла, его запугала воспита-
ніемъ, и онъ боится явить собственное
мнѣніе и такъ мало вѣритъ себѣ, что
если сегодня сдѣлаетъ кому оравію, то
завтра ему уже совѣстно этой оравіи».

Къ литературѣ, дакъ онъ относится весьма
въ переносѣ своей онъ относится весьма
и весьма протестно. Но онъ только и
думаетъ, что о ней, о томъ, чтобы быть
художникомъ. Особенно заслуживаетъ вни-
манія его письмо къ Суворину отъ 1892 г.
(IV, стр. 152): «Кто изъ моихъ сверст-
никовъ, т. е. людей въ возрастѣ 30—
40 лѣтъ, далъ міру хоть одну кап-
лю алкогоя? Развѣ Короленко, Над-
сонъ и ихъ вымышленіе драматурга
не лжовали? Развѣ картины Рѣ-
пина или Шишкина кружили вамъ го-
лову? Мало, талантливо, — думаете вы,
и въ то же время никакъ не можете
забыть, что вамъ хочется курить. Па-
ука и техника переключаютъ тебѣ
всѣмъ, для нашего же брата —
это время рыцаря, кислое, скучное, са-
ми мы рыцари и скучны, умѣемъ ро-
жать только гутаперчевыхъ мальчи-
ковъ (намекъ на известнаго разсказъ
Григорьевича. Чеховъ могъ бы прибавить
къ этой бутылкѣ и свою «Баштанку»), и не
видитъ этого только Стасовъ, кото-
рому прарада дала рѣдкую способность
измѣнить даже отъ похмелья. Причина
тутъ не въ глупости нашей, не въ без-
дѣльности и въ наглости, какъ думаетъ
Буренинъ, а въ болѣзни, которая для
художника хуже сифилиса и позорнаго
восточнаго. У насъ нѣтъ «чего-то»; это
сама по себѣ и это значитъ, что по-

нимаемъ... и мы угадываемъ тамъ по-
своему мѣсто. Вспоминаемъ, что писате-
ля, которыхъ мы называемъ ищущи-
ми или просто хорошими и кото-
рые плаваютъ насъ, имѣютъ одинъ общій
и весьма важный признакъ: они куда-то
идутъ и насъ кинутъ туда же, и мы
чувствуемъ, не умѣемъ, а всѣмъ своимъ
существомъ, что у нихъ есть какой-то
цѣль, какъ у тѣхъ отъ Гамлета, кото-
рая не даромъ приходитъ и тревожитъ
образованіе. У однихъ, смотря по какин-
ру, цѣль ближайшая — крѣпостное пра-
во, освобожденіе рудныхъ, политика, или
красота, или просто вода, у другихъ цѣ-
ли отдаленныя — Богъ, загробная жизнь,
счастье человечества и т. д. Лучшіе изъ
нихъ реальны и живутъ жизнью такою,
какая она есть, но отъ того, что какіе-
то странные прохвосты, какъ соколъ, созна-
ніемъ цѣли, въ крохѣ жизни, какая есть,
чувствуетъ еще другую жизнь, какая
должна быть, и это влѣкаетъ насъ. А
мы? Мы пишемъ, жизнь такою, какая она
есть, а дальше ни туру, ни ну! Дальше
насъ хоть вѣстники стегайте. У насъ
нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ
цѣлей и въ нашей душѣ хоть шаромъ
покажи. Политика у насъ нѣтъ, въ ре-
волюцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ, пра-
вильный не боимся, а я лично даже скер-
ти и слѣлоты не боюсь. Кто ничего не
хочетъ, ни на что не надѣется и ничего
не боится, тотъ не можетъ быть художе-
стникомъ. Болтанъ это или нѣтъ, — дѣ-
ло совсѣмъ не въ названіи, но знать
надо, что положеніе наше хуже губерна-
торскаго. Не знаю, что будетъ съ нами
черезъ 10—20 лѣтъ, тогда можетъ быть
измѣнится обстоятельство, но пока было
бы удивительно ожидать отъ насъ чего-
нибудь путнаго, независимо отъ того,
талантливы мы или нѣтъ. Пишемъ мы
машинально, только и подчинялись тому
давно заведенному порядку, по которому
одни служатъ, другіе торгуютъ, третьи —
пишутъ... Вы и Григорьевичъ находите,
что я умный. Да, я умный, но крайній дѣ-
лѣ настолько, чтобы не скрывать отъ
себя своей болѣзни и не лгать себѣ и не
прикрывать своей пустоты чужими до-
блутями, въ родѣ идей шестидесятыхъ го-
довъ, и т. д. Я не брошусь, какъ Паринъ,
изъ пролетѣ дѣтства и не стану обман-
ывать себя надеждою на лучшее буду-
щее. Не я виноватъ въ своей болѣзни и
не мнѣ лечить себя, ибо болѣзнь сія,
надо полагать, имѣетъ скрытый отъ насъ
хорошій цѣль и послана не даромъ».

Григорьевичъ думаетъ, что умъ мо-
жетъ переписать талантъ. Байронъ былъ
умный, какъ сто чертей, однако талантъ
его уцѣлѣлъ. Если мнѣ скажутъ, что
Исааковъ чепуху оттого, что умъ
у него переписалъ талантъ или посто-
ротъ, то я скажу: это значитъ, что у
Исаа не было ни ума, ни таланта».

Это душевный вопль истосковавшаго-
ся человека. Насколько онъ основате-
ленъ, — это другое дѣло, а все вообще по-
утильно, въ особенности прежде всего
строка объ атоментахъ, необходимыхъ для
художника. Тутъ много могли бы про-
сечь свою ближайшую судьбу. Сознава-
ясь или не сознаваясь съ мыслями Чехова,
надо было, однако, признать, интересъ какъ
этого письма, приведеннаго мною почти
цѣлкомъ, такъ и большинства другихъ
и его писемъ, адресованныхъ Суворину. Въ
нихъ раскрывается настоящий Чеховъ,
съ его стремленіями, правдивыми или
неправдивыми, во которыхъ только и
давать намъ точный образъ этого писа-
теля.

«Душа моя, — пишетъ онъ (IV, ст.
88), — просится въ ширь и въ высь, но
повсюду приходится вести жизнь
узкую, уединенную въ свѣтлые руби
и софійки. Нѣтъ ничего пошлѣе кѣши-
ской жизни съ ее грошами, харами, пе-
лыми разговорами и никому не нужной
условной добродѣтью. Душа моя вни-
ла отъ сознания, что я работаю ради денегъ
и что деньги центры моей дѣятельности.
Починное чувство это влѣтъ со сирот-
ливостью дѣлать въ моихъ глазахъ, где
нахальство заплѣтомъ, прорывнымъ;
я не указую того, что пишу, а вѣдь и
скученъ самому себѣ и радъ, что у меня
есть хвостикъ, который и, какъ бы ни
было, занимаюсь все-таки не въ за-
ботѣ. Надо бы выкупаться въ холодной
кислотѣ и содрать съ себя кожу, чтобы
потомъ обрости новою шерстью».

Для денегъ ему приходилось очень мно-
го работать и прежде всего ради семьи, ко-
торую онъ такъ любилъ и о которой вса-
чески заботился гдѣ и какъ могъ, какъ
не заботился даже о самомъ себѣ. Въ
заботахъ о семьѣ онъ представлялъ ис-
ключеніе въ общемъ кругу. Личная жизнь,
какъ известно, началась для него только
за два или за три года до смерти: раньше
она исключительно сводилась на заботы
объ его родныхъ.

Но помимо заботы о деньгахъ его, какъ
всякаго русскаго человека, мучали по-
просы и конечно и вопросы, волнанные
Толстымъ. Чеховъ не избѣгъ крѣ-
пко проповѣдей аскетическаго философа.
Всѣхлѣстивъ онъ избѣгалъ отъ этого
«дѣла», какъ онъ выражался, но «по-
стои» продолжалъ нѣсколько лѣтъ. Тол-
стовская мораль перестала меня трогать
(IV, 292), въ глубинѣ души я от-
воху съ ней недружелюбно. Я
любилъ умныхъ людей, верность,
искренность, остроуміе, а къ тому,
что люди ковылялись въ своей душѣ —
относился безразлично. Но толстовская фи-
лософія сильно трогала меня, владѣла мною
лѣтъ 6—7 и дѣлала на меня не-
основными своими положеніями, которые
были мнѣ известны и раньше, а толсто-
вскою манерою выражаться, разсуждать
нѣтъ, и вѣроятно, гипнотизмомъ своего ро-
да. Теперь же по мнѣ что-то протестуетъ.
Война — это и судъ — это, но въ этого не
слѣдуетъ, что я долженъ ходить въ лаптяхъ
и спать на вѣхъ нѣтъ съ работникомъ и
съ его женою. Для меня Толстой уже
унывалъ, его въ душѣ моей нѣтъ и онъ
вышелъ изъ меня, скажутъ: «Се остался
домъ нашъ пустой». Я свободенъ отъ толсто-
вскихъ дѣланій мнѣ надобно, а такія
свѣтловы, какъ Максъ Нордъ, я читаю
просто съ отращеніемъ. Любопытнымъ
большимъ вѣтъ не хочется, но чего-то хо-
чется, и она это свое неопредѣленное же-
лание выражаютъ такъ: чего-нибудь клас-
сическаго. И это не случайно, такъ какъ
точно такое же настроеніе я замѣчалъ кру-
гомъ. Похоже, будто всѣ были влюблены,
разбѣли теперь и влѣтъ вонюхъ улетѣ-
ній. Очень возможно и очень похоже на то,
что русскіе люди опять переиспытываютъ
уныленіе естественными науками и опять ма-
териалистическое мышленіе будетъ моднымъ.
Естественныя науки дѣлаютъ тебѣ чу-
деса, и онъ могутъ двинуться, какъ Мамай,
и покорить публику своимъ маскомъ, гротеско-
востью».

Въ своемъ пророчествѣ Чеховъ до из-
вѣстной степени ошибся: до уныленія
естествознаніемъ пока еще не дошло, такъ
какъ теперь русское общество увлекается
теософіей и мистицизмомъ. Но чередъ
естествознанію, вѣроятно, и даже безъ со-
мнѣній, наступитъ тотчасъ же послѣ вой-
ны. Это случится даже вѣроятно, потому
что всѣхъ хлопотъ по карьерѣ грядущій
сокопъ промышленности съ техникой и съ
естественными науками. Это ясно, какъ
дважды два.

Не буду касаться взглядовъ Чехова на
критику, высказанныхъ имъ нѣко-
кратно и въ письмахъ къ Суворину, замѣ-
тимъ только, что въ нихъ онъ высказы-
вался на этотъ счетъ обстоятельно,
чѣмъ въ письмахъ къ другимъ. Самъ онъ,
не любя критику, любилъ критиковать
все и вся. Ему, напримеръ, нравилось пе-
реписывать другъ друга, какъ и раньше.

«Приходите къ разсказамъ, — пишетъ
онъ Суворину, — пошлите чужіе раз-
сказы мнѣ разсказывать». Собираетъ
авторамъ, какъ сдѣлало бы мнѣ
платить то или другое поощреніе,
ту или другую плату и т. д. Особенно
курьемы его свѣты по части драматиче-
скихъ писемъ. Онъ не разъ извѣщаетъ, что
не только никогда не будетъ писать пьесъ
(«Наказали меня Богъ» и т. д.), но что онъ
«совсѣмъ не драматургъ и никогда имъ не
будетъ». Но какъ вынужденъ писать къ ро-
манистамъ, такъ и Чеховъ тянулъ къ театру, тѣмъ
болѣе, что его писемъ сдѣлалось моднымъ
и развѣ всѣмъ явнымъ успѣхъ. Онъ
читаетъ наставленія въ этой области не
только начинающимъ авторамъ или да-
вать, бывающимъ спешно, но и писате-
лямъ съ крупными именами. — Суворину
нѣтъ чужды. Онъ даетъ ему советы и по
части безэстетическаго и еще больше по
части сценѣ, — возможно, что и вымы-
сленный на нихъ самъ Суворинъ. Порою
советы проливаютъ комическое
извѣщеніе, указывая, какъ въ каждомъ
случаѣ по существу самаго его дѣла гла-
внымъ закономъ критическое чувство и какъ
бездумно востановить противъ него. По-
возможности Чехова критикой обуслови-
валось скорѣе личными счетами, чѣмъ
сознаніемъ ее безцѣльности. Ему каза-
лось, что русская критика, или хоти бы
инициальная часть ее, не достаточно оцѣн-
иваетъ его.

Изъ переписки его съ разными людьми,
какими любознательными и ищущими раз-
сужденій онъ былъ по отношенію ко
всѣмъ членамъ своей семьи — близкимъ и
далекимъ. Для нихъ онъ всю жизнь про-
водитъ немалого рода жертвы и доводитъ
даже до того, что готовъ просить за нихъ
какое-нибудь вознагражденіе, если это возна-
дится. Особенно любознательны письма
къ брату Александру (сотруднику «Но-
ваго Времени»), которого онъ считалъ
чуть не гениемъ (онъ въ этомъ жестоко
ошибся), хотя и шнырялъ его всячески,
особенно бѣра повременительнымъ тономъ
старшаго надъ младшимъ, тогда какъ
Александръ былъ старшимъ и раньше
брата выступилъ на литературномъ по-
прищѣ. Письма съ разными не бле-
нущи соображеніями, но покупаютъ своимъ
сердечностью и искреннимъ добромъ.
И все-таки это не матеріалъ для печати.
Поэтому, надо было сдѣлать выборку и
ограничить извѣстны только одного
тома, не болѣе. Шесть томовъ губятъ
всю переписку Чехова.